

Очерк А. П. Гайдара «3 000 вольт» в смысловом пространстве газеты «Уральский рабочий»

История жизни Аркадия Гайдара в Свердловске уложилась в три месяца. В найденной домово́й книге есть указания на сроки пребывания писателя в городе: он был прописан 20 февраля 1927 г., а выписан 21 мая 1927 г. В течение этого времени писатель являлся сотрудником «Уральского рабочего». В газете у него было свое постоянное место — нижний правый угол первой полосы, так что Гайдара можно признать одним из первых кolumnистов уральской газеты, имевших свою колонку, вернее, «полуподвал». По наблюдениям современников, писал Гайдар «необычайно быстро, в состоянии какой-то молниеносной сосредоточенности, полностью выключаясь из окружающей обстановки, как бы шумна она ни была» [6, с. 3]. За короткий срок работы в Свердловске Гайдар опубликовал в «Уральском рабочем» более десятка фельетонов и один очерк «3 000 вольт», который и будет предметом нашего рассмотрения.

Вначале проанализируем очерк как самодостаточный текст, вне ближнего и дальнего смысловых контекстов. Обратимся, прежде всего, к названию очерка, состоящему из числительного и физического термина. Заголовок рождает определенные читательские ожидания, связанные с научной или производственной сферами. В. И. Тюпа отмечает, что «заглавие текста неотделимо от сущности произведения, и потому оно есть само произведение, то есть *эквивалентно* именуемому (курсив везде наш. — А. К.)» [9, с. 8]. Тема и интрига очерка Гайдара задаются им в заглавии номинативного типа. Ключевой смысл заголовка — высокое напряжение.

Начинаются «3 000 вольт» с нарушения очеркового канона: вместо традиционно точного указания на время и место описываемого события задаются условные координаты: «*Как-то раз* редактор одной из провинциальных газет призвал меня к себе и начал отчитывать следующими словами...» [1]. Неопределенность вполне соответствует формирующейся соцреалистической установке, согласно которой в жизни советского общества существуют «отдельные недостатки» при обилии несомненных

достижений. Средством умаления негативных явлений является перемещение их в пространственную и временную неопределенность. Вспомним в этой связи ставший крылатым заповедь из советского сериала: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Кроме того, континуальная неопределенность — одна из примет сказки («в некотором царстве в некотором государстве жили-были»). Другая структурная примета сказки — разнообразная троичность. Есть она и в очерке Гайдара. Рассказчик оказывается в положении героя-искателя, который только с третьего раза выполняет то, что от него требовал «отрицательный» редактор-бюрократ. Обычно сказочному герою-искателю дается такое задание, которое требует от него напряжения всех сил. Столь же сложное требование предъявляет рассказчику «редактор *одной из провинциальных газет*»: «Что это вы, дорогой товарищ, все больше сенсационными разоблачениями занимаетесь, пишете всё в отрицательном смысле, совершенно игнорируя светлые стороны текущего момента. Всё это говорит о том, что вы еще недостаточно прониклись духом пролетарского мирозерцания, а поэтому езжайте сейчас же на собрание месткома кулечной фабрики и на заседание фабзавкома и РКК. Это вдохнет в вас бодрость, и вы, *как прозревший слепой*, увидите светлые стороны, как они есть, в натуральном виде»¹. Приведенный монолог редактора важен не только для дальнейшего сюжета очерка, но и для осмысления фигуры героя-рассказчика. Редактор «классовым чутьем» чувствует в своем подчиненном «чуждый элемент», который должен «перековаться», перевоспитаться, знакомясь со «светлыми сторонами текущего момента». Особость рассказчика заключается в отсутствии у него необходимого «пролетарского мирозерцания», благодаря которому все вокруг воспринималось бы им позитивно и оптимистически. Рассказчик пытается честно выполнить то, что от него требуют. Он едет сначала на кулечную фабрику, а потом на спичечную. Отметим здесь скрытый прием литотизации: оба производства предполагают то, что точнее всего назвать словом «мануфактура», мелкое ручное производство. Это необходимо для последующей эксплицитной гиперболизации. Неудачные попытки рассказчика найти светлую сторону новой действительности завершаются в условном давнопрошедшем времени, которое можно назвать художественным плюсквамперфектом. Форма «отбивки» вводной части усилена вынесением итога в отдельный

¹ По мнению С. Гинца и Б. Назаровского, вступительная часть очерка является едва завуалированным объяснением Гайдаром своего конфликта с редактором пермской газеты «Звезда», который закончился отъездом писателя в Свердловск [2, с. 232].

абзац: «*Это было давно*, и тогда на почве высказанных мною *пессимистических взглядов* у меня с редактором вышли серьезные разногласия» [1, с. 1]. Новый статус рассказчика ознаменован произошедшим с ним когда-то, тоже в неопределенном прошлом, превращением пессимиста в оптимисты. Все последующее содержание очерка есть скрытая апология совершенной перековки.

Главная часть очерка контрастирует с вводной континуальной определенностью. Даются точные указания на время, место и участников события: «Вчера в три с половиной часа дня техник Силанов подошел к доске генераторного пульта, спокойно повернул рычажок, и 3 000 вольт, бесшумно ударив провода, полились горячим потоком на заводы Свердловска». Слово «вчера» в контексте газеты приобретает точный указательный смысл. Если газета вышла 11 февраля 1927 г., то событие произошло 10 февраля того же года.

Особенность позиции рассказчика заключается в том, что он отказывается от принятого в таких случаях пафосного тона. Основанием сдержанности служит не только характер его личности, но и отсутствие ложной патетики в самом событии, которое не стало поводом для обычных в таких случаях митингов и речей: «Не было сказано по этому поводу ни одной торжественной фразы, ни обширного доклада о международном положении и кознях английских соглашателей, не было ни одного лишнего человека, кроме 8 очередных рабочих, незаметно расплывшихся по разным концам огромного, сверкающего огнями здания. Была *деловая напряженность*, простая и четкая, как ток, проходящий через мраморную доску пульта». Рассказчик сочувственно передает будничность события, которое противостоит утомительной казенной праздничности. Заголовок, передающий тему напряжения, перекликается с выражением «деловая напряженность». Очевидно, что напряженность восьми рабочих, управляющих огромными потоками энергии, эквивалентна тем же 3 000 вольт, текущим в проводах.

В 1927 г. материал, в котором отражены достижения «текущего момента», должен был каким-то образом отметить роль коммунистической партии. И здесь рассказчик старается не вставать на котурны. Он пишет о работе местного самоуправления: «Прошлому горсовету рабочими был дан наказ — пустить станцию. Горсовет сделал все, что мог, и, несмотря на целый ряд затруднений, добился всё-таки, что в последний день, в тот день, когда его полномочия истекали и начинались новые перевыборы — новые наказы, с электростанции брызнул в город первый ток» [Там же]. Рассказчик раскрывается как прогрессист, признающий

технический прогресс магистральным путем к общественному процветанию и благополучию: «Люди уступили первенство машинам, и еще ярче и еще подчеркнутей становится видной эта простая, почти суровая скромность тех, которые влили сегодня в проволочные жилы города живительную электрическую кровь» [1, с. 1]. Одним из знаков эпохи вскоре станет слово «индустриализация», о которой и повествуется в очерке.

Личность рассказчика в очерке не менее важна, чем событие, о котором он пишет. В его сознании происходит сдвиг. Замыкая композиционное кольцо, рассказчик в финале мысленно возвращается к редактору, который когда-то давал ему задание осветить «светлые стороны текущего момента». По мнению рассказчика, дух эпохи гораздо ощутимей в огромном зале электростанции, «нежели на торжественных собраниях, в которых [он] не мог уловить того, чего от него требовали». Этими словами и заканчивается очерк.

Еще недавно о Гайдаре-журналисте писалось, например, так: «За короткий срок вокруг большевистской печати вырос многочисленный отряд журналистов – верных помощников партии. К концу 1925 г. сельских, военных и рабочих корреспондентов насчитывалось в стране более 150 тысяч. В числе этих 150 тысяч “проводников ленинских дел и ленинских книг» был и Аркадий Гайдар» [7, с. 3–4]. Сменить подобную точку зрения на противоположную равнозначно такому же упрощенному подходу к личности писателя. Очевидно, что Гайдар-журналист был человеком своего времени, и, конечно, он «верный ленинец», но не столь ортодоксальный и однозначный, как многие его современники.

Зачастую публицистические произведения классиков анализируют в отрыве от того контекста, в который они были когда-то вписаны и на фоне которого воспринимались. Будучи включенными в книжку писателя или в собрание сочинений, они претерпевают незаметные смысловые трансформации, несмотря на аутентичность текста. Еще раз возьмем в руки тридцать четвертый номер «Уральского рабочего» за 11 февраля 1927 г. Какой контекст окружал очерк Гайдара? Что мог прочесть в газете тогдашний свердловчанин?

Общая шапка, определявшая главную тему номера, вынесена на первую полосу и выделена шрифтом — **«ВЧЕРА НАЧАЛИСЬ ПЕРЕВЫБОРЫ СВЕРДЛОВСКОГО ГОРСОВЕТА. В час первого собрания заработали турбины новой электростанции. Горсовет IX созыва выполнил наказ»** [11, с. 1].

Очерк Гайдара — один из материалов этого раздела, он размещен на первой полосе, но оказался в качестве «подвала» под материалом Якова

Гринвальда, озаглавленным «Новая электростанция начала работать». Для Гринвальда пуск электростанции — один из важных пунктов, выполненных уходящим горсоветом. Если Гайдар дает предельно обобщенное изображение события, вписывая его в контекст общих изменений, происходящих в стране, то взгляд Гринвальда гораздо уже и провинциальней. В его заметке больше уральских реалий, больше привязки к «текущему моменту»: «Итак, новая электростанция начала жить. Берёзовская станция ушла в резерв. В новую сеть включены питавшиеся от нее электроэнергией трансформаторы. Вчера к новой сети был присоединен уже район улицы Карла Либкнехта от Делового клуба до площади Мести со всеми прилегающими кварталами. Через месяц-полтора весь город будет озарен электрическим светом своей новой станцией, радуя трудящихся огромной победой, одержанной Свердловским городским советом» [4, с. 1]. На фоне заметки Гринвальда очерк Гайдара раскрывает свое тяготение к художественности.

Посмотрим на другие материалы номера газеты глазами «концепированного читателя» (термин Б. О. Кормана). Основной официальный материал расположен на третьей полосе. Это Постановление Совета народных комиссаров РСФСР по докладу Уральского областного исполнительного комитета. Пятый пункт этого постановления прямо соотносится с материалом первой полосы: «Считать необходимым немедленно приступить к постройке Челябинской и Егоршинской электрических станций и к расширению Кизеловской, поручить Государственной плановой комиссии и Высшему совету народного хозяйства обеспечить указанные работы достаточными средствами и бесперебойным отпуском их» [8, с. 3]. На первой полосе дан комментарий к этому документу «К постановлению СНК по докладу Уралсовета», подписанный Л. Гольдичем. Основные выводы комментария звучат так: «Значение Урала в общей экономике нашей страны огромно. Урал является важнейшим промышленным центром Республики и основной срединной базой СССР. В интересах всей страны в целом необходимы максимальные усилия в направлении дальнейшего развития и укрепления уральского хозяйства и в первую голову его индустриализации» [3, с. 1]. Пройдет некоторое время, и Твардовским будет найдена формула, концентрированно выражающая особенность нашего локуса: «Урал — опорный край державы».

Одна из советских традиций, сохраняющаяся кое-где и поныне, — орнаментация газетно-журнальных материалов цитатами из речей или работ руководителей государства. Для газет, выходивших в 20-е гг. прошлого века, особенно для выпусков, связанных с политическими

событиями, такие цитаты были почти обязательны. Первая полоса номера «украшена» цитатами из Ленина и Сталина, причем сталинская цитата дана выше ленинской. Место их расположения является знаковым: партийная иерархичность соблюдается везде неукоснительно. После цитат следуют лозунги-призывы. Сталинские слова, посвященные значению Советов, заканчиваются призывом: «Ни одного избирательного голоса нетрудовым элементам!» Ленинские слова как бы продолжают слова Сталина и завершаются призывом, который по смыслу стыкуется с предыдущим лозунгом: «Избирай в совет кандидатов, выдвигаемых Коммунистической партией». На четвертой полосе помещена цитата из речи В. Молотова. Казалось бы, эти и другие материалы имеют косвенное отношение к очерку Гайдара, однако весь номер газеты — это своего рода сверхтекст, в котором каждый материал не только автономен, но смыслово связан со всеми остальными текстами. Именно на их фоне осознается сдержанность и умеренность позиции автора очерка «3 000 вольт».

Авторы книги об уральском периоде в жизни Гайдара справедливо пишут о том, что писатель отдавал явное предпочтение жанру фельетона, а не очерка. Объясняют они это соответствием жанра «тогдашнему настроению и характеру начинающего журналиста. Очерк требовал гораздо более спокойного размеренного подхода к теме. А Гайдар был экспансивен. Ему хотелось быстрого действия. Фельетон как раз давал возможность быстрее врываться в жизнь» [2, с. 94]. К сказанному стоит добавить, что очерк предполагает, что автор находится внутри события, а фельетонист всегда занимает позицию «извне» события или факта. Очерк и фельетон допускают сочетание публицистического дискурса с художественным. Различие их, пожалуй, в том, что фельетон дает автору большую степень свободы для художественного начала. В Гайдаре-журналисте исподволь вызревал Гайдар-беллетрист.

5 апреля 1927 г. в жизни молодого писателя произошло важное событие: в газете «Правда» была опубликована статья «Преступление Гайдара», перепечатанная «Уральским рабочим». В статье, в частности, говорится: «Гайдар, популярнейший в округе фельетонист пермской “Звезды”, присужден к семи дням лишения свободы, замененным общественным порицанием. Причем нарсуд 2 участка г. Перми, разбиравший это дело, избрал мерой пресечения подписку о невыезде» [5, с. 1]. Далее корреспондент констатирует, что «общественного порицания не получилось. Наоборот, общественное мнение восстало против приговора суда. Общественное мнение оказалось на стороне Гайдара. Рабочие ряда крупнейших заводов, рабселькоровское окружное совещание, областная

газета “Уральский рабочий” высказались в защиту Гайдара» [5, с. 1]. Суть возникшего судебного разбирательства связана с тем, что, по мнению одного из героев фельетона, Гайдар избрал оскорбительную для его личности форму. Речь в том фельетоне шла о некоем следователе Филатове, который «помимо служебной работы, выступал по вечерам в низкосортном кабаке “Восторг”», т. е. фактически перед теми, с кем он был призван бороться. Заканчивалась статья вопросами: «Может быть, нарсуд изменит меру пресечения? Может быть, вообще в согласии с общественным мнением суд найдет возможным пересмотреть свое несомненно ошибочное решение» [Там же]. Как бы то ни было, но очевидно, что суд в Перми стал одной из причин того, что Гайдар оттуда перебрался в Свердловск, а статья в «Правде» подтолкнула его к следующему шагу. После публикации статьи в «Уральском рабочем» появится только три фельетона Гайдара. Правда, в 103-м номере будет дан анонс: «С 10 мая начинает печататься в “Уральском рабочем” повесть Гайдара “Лесные братья”» [10, с. 5]. Повесть будет идти в каждом номере до 10 июня, но Гайдара к этому времени в Свердловске уже не будет. Уральский эпизод в творческой биографии писателя закончился.

В заключение укажем на перспективы исследования материалов «свердловского эпизода» в жизни Гайдара. Они связаны с расширением смыслового контекста. Фельетоны и очерк, всего двенадцать текстов, опубликованных в «Уральском рабочем», могут быть рассмотрены как нечто целое, объединенное общей авторской позицией и общим стилем.

-
1. *Гайдар А.* 3 000 вольт // Урал. рабочий. 1927. № 34, 11 февр. С. 1.
 2. *Гинц С. М., Назаровский Б. Н.* Аркадий Гайдар на Урале. 2-е изд. Пермь, 1968.
 3. *Гольдич Л.* К постановлению СНК по докладу Уралсовета // Урал. рабочий. 1927. № 34, 11 февр. С. 1.
 4. *Гринвальд Я.* Новая электростанция начала работать // Там же.
 5. *Двинской Е.* Преступление Гайдара // Там же. 1927. № 80, 8 апр. С. 1.
 6. *Неверов Л.* Аркадий Гайдар в Свердловске. К пятидесятилетию со дня смерти // Там же. 1956. № 253, 26 окт.
 7. *Орлова Н. Н.* [Вступ. ст.] // Гайдар А. История о неуловимом билете : рассказы, очерки, фельетоны. М., 1965.
 8. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР по докладу Уральского областного исполнительного комитета // Урал. рабочий. 1927. № 34, 11 февр. С. 3.

9. Тюпа В. И. Произведение и его имя // Литературный тест: проблемы и методы исследования. VI : Аспекты теоретической поэтики: К 60-летию Н. Д. Тамарченко : сб. науч. тр. Москва ; Тверь, 2000.

10. Уральский рабочий. 1927. № 103, 30 апр. С. 5.

11. Там же. № 34, 11 февр.

Т. Л. Кузнецова

г. Сыктывкар

Короткий рассказ — одна из малых форм коми прозы рубежа XX–XXI в.: особенности жанра*

Особенности художественного осмысления современности находят выражение и в жанре короткого рассказа (произведения А. Вурдова, А. Мишариной, А. Одинцова, А. Попова, А. Ульянова, Ю. Яковлева и др.)¹. «...Времена эпопей — времена уверенности в познаваемости мира, социального и природного, времена “к. р.” (короткого рассказа. — Т. К.) — времена мистики, чувства непознаваемости мира, полного безвластия над тайнами общества и природы», — думается, к вполне справедливой мысли приходит критик Н. Елисеев [3, с. 190].

Художественная организация короткого рассказа, как, видимо, и других малых форм коми прозы, весьма непростая. Отличительная особенность ее в том, что она сугубо индивидуальна. Короткий рассказ — в высшей степени отражение субъективного видения мира: произведения каждого автора представляют особое художественное явление. Действительно, «...почти каждый автор, написавший хотя бы несколько произведений малой прозы, создает собственную жанровую и структурную модель этой формы...» [6, с. 275].

Среди коротких рассказов особое место занимают произведения, воссоздающие личный опыт писателей, запечатлевающие их воспоминания. Лирический тон и юмор, передающие теплое отношение автора,

* Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

¹ Подобные жанровые формы В. И. Тюпа называет микрорассказами и сверхкороткими рассказами [9, с. 214].